

М.Л. Романов

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматривается феномен правовой позиции как составляющей решений и формы существования нормативных предписаний Конституционного Суда. Делается вывод, что она структурно не является правовым аргументом (основанием) лишь для одного решения Конституционного Суда. Правовые позиции – суть правовые положения (установления), которые носят также характер имплицитно-волевого утверждения и выражают официальную (властно-волевою) точку зрения Конституционного Суда по определённому правовому вопросу.

Ключевые слова: решение Конституционного Суда; правовая позиция Конституционного Суда; конституционное истолкование.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации¹ по степени нормативной самовыраженности могут значительно отличаться друг от друга. Но каким бы нормативно характеризуемый акт конституционного судопроизводства не был, ему всегда присуще свойство выражаться концептуально. Таким концептуальным началом решения Конституционного Суда как раз и выступают правовые позиции – феномен, который наверняка существовал и ранее, но его первая в России легализация была связана именно с Конституционным Судом.

В отличие от традиционных источников российского права нормативное содержание решений Конституционного Суда неравномерно, его преобладающим средоточием и своеобразным маркером как раз и являются правовые позиции. Они выступают нормообъединяющей конструкцией решений Конституционного Суда, именно они помогают выявить их нормативное начало, как и пределы нормативности. Отсюда исследование правовых позиций Конституционного Суда значимо тем, что позволяет выявить нормативную часть и очертить «силовой» контур содержания данных решений. Правовая позиция – ключ к правовому восприятию решений Конституционного Суда, их функциональной составляющей, поэтому так важно определиться с природой и содержанием этого феномена.

В юридической литературе было высказано немало определений рассматриваемого феномена, но единства мнений до сих пор не достигнуто. В структурных подходах просматривается оценка правовых позиций как первичного структурного звена решений Конституционного Суда [1. С. 181] или как содержащих, в свою очередь, правоположения [2. С. 7]. Преобладающим здесь пока есть понимание того, что правовая позиция и решение Конституционного Суда соотносятся между собой как содержание и форма. Но устанавливая соотношение и разность между решением Конституционного Суда, содержащимися в нём правовыми позициями и иными правовыми положениями и применяя категорию источника права, как правило, к самому решению², в то же время нельзя лишать другие его составляющие и, в частности, правовые позиции, юридико-регулятивного значения³. Обоснованию правовой позиции как самостоятельного новообразования в праве также уделено немало

юридических исследований. Встречаются даже мнения, отстаивающие критериальную связь содержания решения Конституционного Суда с правовыми позициями, которые тем самым самоидентифицируют его и являются одним из имманентных свойств нормативности такого акта⁴.

В вопросах содержательного понимания правовых позиций Конституционного Суда и их регулятивной роли наиболее продвинулись общетеоретическая и, главным образом, конституционная юриспруденция.

«Пионером» в данной области выступил П.Е. Кондратов, – один из комментаторов Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁵, – который в то же время довольно попутно определил их как систему аргументации, приводимой в обоснование итогового вывода Конституционного Суда [6. С. 229], что не помешало данному аспекту стать, так или иначе, преобладающим в трудах многих последующих авторов. Это неудивительно, поскольку Закон о Конституционном Суде предъявляет классическое требование в той части решения, в которой и размещаются правовые позиции, излагать доводы в пользу принятого решения, а при необходимости и доводы, опровергающие утверждения сторон (п. 9 ч. 1 ст. 75), т.е. само обоснование принятого решения, что как раз и является правовой аргументацией. Но этот подход небезосновательно связан с именем другого крупного исследователя проблемы правовых позиций – Л.В. Лазарева, не только продвинувшего становление в юридической науке, но и пополнившего его более глубокими взглядами на материально-правовую природу данного явления. В предикатном ряду его авторских определений правовая позиция выступает как не столько совокупность правовых аргументов⁶, сколько вытекающий из неё результат конституционного толкования, правовое основание решения Конституционного Суда, выражающие его правопонимание соответствующих конституционного принципа, нормы и должного конституционного содержания оспоренного правоположения [8. С. 74–75]. В этом же русле находится мнение и Н.В. Витрука, считавшего, что правовая позиция «есть правовые выводы и представления Суда как результат интерпретации... “духа” и “буквы” Конституции», «истолкования... конституционного смысла»

положений иного акта, «которые снимают неопределенность в конкретных конституционно-правовых ситуациях и служат правовым основанием итоговых решений (постановлений) Конституционного Суда» [9. С. 95]. Примыкающий, по сути, к этой же группе учёных Б.С. Эбзеев находит также возможным, что правовые позиции – результат конституционного толкования (истолкования), они «есть сущность решения Суда, его главные аргументы, лежащие в основе делаемых им... выводов» [10. С. 640], выявляют нормативное содержание конституционных положений и развивают Конституцию Российской Федерации⁷. В том или ином виде все они рассматривают правовую позицию Конституционного Суда как нормативно-интерпретационное явление.

Другая группа авторов представляет данный феномен преимущественно с точки зрения таких субъективно-объективных позиций, как отношение Конституционного Суда, понимание им конкретного предмета своей судебной-контрольной деятельности. Так, В.А. Кряжков предложил определять правовую позицию Конституционного Суда как его «отношение... к значимым конституционно-правовым явлениям, отраженное в его решении (решениях), которым он руководствуется при рассмотрении конкретных дел», характеризуя его суть как «логико-правовое... обоснование конечного вывода Суда, содержащегося в постановляющей части его решения, формулируемое в виде правовых умозаключений, установок, имеющих общеобязательное значение» [11. С. 246, 247]. С незначительной разницей от этого Г.А. Гаджиев заключает, что правовые позиции Конституционного Суда выражают его «отношение... к содержанию конституционной нормы в результате ее истолкования», являются выявленными и сформулированными данным судом правовыми принципами, пригодными для разрешения группы сходных юридических коллизий, дел [12. С. 85]. Здесь же, несмотря на близость взглядов большинства исследователей, некоторой оригинальностью выделяется мнение В.О. Лучина и М.Г. Моисеенко, которые вывели, что правовые позиции суммарно отражают коллективную волю Конституционного Суда, во всяком случае его большинства, сочетают различные виды толкования правовой нормы «через правосознание судей» «с целью выявления той сути конституционного значимого предмета рассмотрения, которую законодатель либо иные субъекты правотворчества вложили в словесную формулировку» [13. С. 58].

Акцент следующей группы исследователей правовых позиций Конституционного Суда, не возражающих против вышеизложенных подходов, смещается в пользу их понимания как устойчивой категории. Рассматривая правовую позицию в общем, Ю.А. Тихомиров определял её как оценку актов и действий в одной коллидирующей ситуации, устойчиво повторяющуюся применительно к анализу аналогичных факторов [14. С. 73]. А.А. Петров в этом более категоричен, когда предлагает правовой позицией признавать лишь такое конституционное толкование (истолкование), которое использовалось Конституционным Судом «в качестве обоснования своих итоговых ре-

шений по существу поставленных перед ним вопросов не менее двух раз» [15. С. 16]. Опираясь на данное качество правовых позиций, эти авторы и ряд других последователей, так или иначе, актуализируют прецедентную сторону их восприятия.

Наряду с названными представлениями о правовых позициях Конституционного Суда в юридической литературе можно встретить и другие точки зрения, тяготеющие к одному или другому подходу, выпячивающие те или иные стороны данного явления и в то же время отличающиеся своей оригинальностью. Отталкиваясь от большинства определений правовой позиции Конституционного Суда, видим, что их предикатное содержание составляют такие множественные и структурно обозримые категории, как «правовые принципы (идеи, ориентиры)» [12. С. 85], «образцы (правила, установки) общего характера», «система аргументов» [16. С. 175; 17. С. 109], «общеобязательные предписания» [18. С. 157–159], «нормативно-интерпретационные установления» [8. С. 74–75; 19. С. 24–26] и т.д. Отсюда симптоматично, что правовая позиция если и представляет собой нечто предметно обобщённое, то в любом случае выглядит как содержательно неоднородное правовое образование, элементы которого могут использоваться по отдельности. Данное подтверждается и практикой, когда Конституционный Суд одну и ту же ранее высказанную правовую позицию воспроизводит в последующих решениях в целом (например, п. 2 мотивировочной части Определения от 6 июля 2001 г. № 144-О) либо в той части, в какой она представляется ему применимой к соответствующему делу, правовой проблеме (например, Определение от 12 апреля 2005 г. № 113-О)⁸. Возможность структурно-содержательного членения правовых позиций подчёркивается в юридической литературе [20. С. 371; 21. С. 85] и разъясняется самим Конституционным Судом в абз. 3 п. 1 мотивировочной части его постановления от 7 июня 2000 г. № 10-П. Это показывает, что правовые позиции нельзя рассматривать как нормативно неделимую единицу решения Конституционного Суда, хотя из всего их разнообразия можно встретить и такие случаи.

В Законе о Конституционном Суде термин «правовая позиция» относительно Конституционного Суда не раскрывается и встречается лишь трижды (ст. 29 (ч. 3), 47¹ (ч. 1) и 73). Некоторые исследователи утверждают, правда, что ч. 3 ст. 29 Закона о Конституционном Суде не касается правовых позиций Конституционного Суда, поскольку в ней речь идёт о правовых позициях его судей [22. С. 25]. Тем не менее считаем, что последние напрямую связаны с понятием правовых позиций Конституционного Суда и вот почему. Во-первых, указанное законоположение касается решений Конституционного Суда как именно выразителей правовой позиции судей, где сами такие решения содержат, как известно, позиции как минимум большинства судей Конституционного Суда. Во-вторых, надо заметить, что рассматриваемый закон позиции Конституционного Суда называет правовыми, а все другие (в частности, ст. 35, 36 (ч. 2), 37 (п. 8 ч. 1), 53 (ч. 3), 62 (ч. 1) и 70 (ч. 3)) такой номинацией не удостоивает, поскольку они не имеют

заранее установленной для Конституционного Суда силы, даже если речь идёт о позиции законодателя, т.е. изложенной, по сути, в оспариваемом законе. Это подтверждается и даже тогда, когда Закон о Конституционном Суде обозначает позицию конкретного судьи, – здесь приставка «правовая» тоже отсутствует (ч. 3 ст. 70). Следовательно, правовая позиция Конституционного Суда и есть правовая позиция большинства его судей, а сами эти понятие синонимичные и взаимозаменяемые.

Определение правовых позиций затрагивалось самим Конституционным Судом, но вскользь и в рамках решений по конкретным делам. Так, в абз. 2 п. 4 мотивировочной части своего определения от 7 октября 1997 г. № 88-О он разъяснил, что правовая позиция содержит толкование конституционных норм либо выявляет конституционный смысл закона, на которых основаны итоговые выводы Конституционного Суда, и формулируется в мотивировочной части его решений. Правда, здесь же и позднее другим своим разъяснением – в абз. 3 п. 1 мотивировочной части определения от 25 июля 2001 г. № 138-О – Конституционный Суд указал на возможность закрепления своих правовых позиций и в резолютивной части решений.

У большинства исследователей практически нет возражений, что суть правовой позиции составляет само конституционное толкование либо истолкование, упор на что делался ещё при разработке проекта Закона о Конституционном Суде. Но правовые позиции, вопреки в то же время распространённому в юридической науке мнению [23. С. 23; 24. С. 51], будучи связанные контекстом исторически конкретного решения, тем не менее не включают в себя резолютивную часть в той мере, в какой она подытоживает вопрос о конституционности того или иного нормативного акта либо отдельного его положения. В противном случае изменение правовой позиции рассматривалось бы и как изменение либо отмена ранних резолюций Конституционного Суда относительно конституционности нормативного акта [25. С. 36].

Насчёт ошибочности включения правовых позиций Конституционного Суда в резолютивную часть его решений встречаются справедливые высказывания о необходимости различать по существу правовую позицию и итоговый вывод (собственно решение) Конституционного Суда [8. С. 73; 26. С. 60]. Последний, содержащийся в резолютивной части решения Конституционного Суда, безусловно, является некоторой, а то и прямой проекцией правовых позиций, сформулированных в мотивировочной части, и лишь в этом – генетическом – смысле сохраняет в себе их качества. Между тем подобная проекция в резолютивной части решения по форме своего изложения, функциональной направленности и правовым последствиям становится уже формулировкой конкретного решения Конституционного Суда, его итоговым выводом и собственно решением, т.е. резолюцией.

Наряду с описательной, фактологической и иной информацией и помимо собственно конституционно-правовой интерпретации в мотивировочной части своих решений Конституционный Суд излагает утверждения и суждения с определённо волевым по-

тенциалом. Конституционное толкование (истолкование) – не исключительное содержание правовых позиций, т.е. оно ещё не единственная цель суждений, которую может выстроить и выстраивает Конституционный Суд в своей интерпретационно-юрисдикционной деятельности. Кроме того, при непосредственной или опосредованной конституционной интерпретации сама такая интерпретация выступает средством познания и верификации объектов конституционного контроля. Отсюда нормативное правопозиционирование имеет место не только в самой интерпретации, но и в тех исходных суждениях либо вытекающих из неё умозаключениях, которые могут выступать как соответственно предшествующий самой интерпретации либо последующий ей уровень правопонимания. Такое понимание служит как бы промежуточным звеном интеллектуально-волевого познания и выражения конституционно-правового должностования, вытекающего из Конституции или / и проецированного (но не обусловленного) иным объектом конституционного контроля, а значит, может быть уяснено как своеобразный уровень (ступень) конституционной конкретизации и во всяком случае нового правового развития. Иными словами, Конституционный Суд может дать самостоятельные установки либо прийти к новым выводам, имплицитно соотносящимися с Конституцией и в то же время ею не данными, но логически обусловленными состоянием системы правового регулирования, объективным развитием социальной реальности или в чём-то даже качеством судейского правосознания.

Следовательно, правовая позиция Конституционного Суда в своём содержании неоднородна и может выражаться в виде не только конституционной интерпретации, но и имплицитного утверждения или суждения. Не являющиеся собственно конституционной интерпретацией такие логико-смысловые моменты в контексте аргументации выполняют постановочную, акцентирующую или иную смыскоординирующую функцию, т.е. служат для толкования (истолкования) неким дополнительно вводимым утверждением¹⁰, зачастую доктринальным по своим истокам, но от того не умаляющим его принципиальное (идейно-узловое) значение для целей правопозиционирования. Такие утверждения вводятся извне в качестве вспомогательного средства с тем, чтобы обозначить либо даже предопределить движение последующей аргументации. Например, при проверке конституционности отдельных положений законодательства о занятости населения Конституционный Суд абз. 2 п. 2 вводит в мотивационный «корпус» своего Постановления от 16 декабря 1997 г. № 20-П понятие социального риска и раскрывает его как всякое состояние, характеризующееся «невозможностью иметь заработок (трудовой доход) или его утратой либо недостаточностью для жизнеобеспечения человека и нетрудоспособных членов его семьи». Данное, по сути, нормативно-дефинитивное предписание позволило Конституционному Суду интерпретировать ряд конституционных положений о социальной защите применительно к различным состояниям социального риска¹¹. В других случаях, имплицитное сужде-

ние может иметь характер промежуточного (не итогового) умозаключения (вывода), которое в мотивировочном изложении следует, как правило, после определения Конституционным Судом нормативно-правовых основ предстоящей аргументации либо непосредственно за конституционным толкованием (истолкованием) предмета конституционно-контрольной деятельности, но напрямую не вытекает из них. Такого рода вывод имел место, к примеру, в абз. 3 п. 4 мотивировочной части Постановления от 24 октября 1996 г. № 17-П по делу о проверке конституционности отдельных положений законодательства об акцизах, где Конституционный Суд, взаимноимплицитно положения Конституции и текущего законодательства (гражданского, таможенного, уголовного), признал общим для всех отраслей права принцип недопустимости обратной силы закона, ухудшающего положение граждан, тогда как непосредственно Конституцией он сформулирован лишь по отношению к уголовной и налоговой сферам (ст. 54 и 57). Всё это собственно то, что является так называемой аппликативной конкретизацией, выступающей исходным пунктом интерпретации или «прагматическим» её продолжением [28. С. 383–403], т.е. в нашем случае взаимопроекцией («двойной» или «встречной» интерпретацией) Конституции и конкретного объекта конституционного контроля (будь-то норма права, типизированное общественное отношение или даже правовая проблематика). Наглядностью такого рода конкретизации могут служить и многие другие решения Конституционного Суда, выявляющие конституционно-правовой смысл нормативного акта, но красноречивым является, пожалуй, знаменитое его Постановление от 31 октября 1995 г. № 12-П, в котором в результате толкования ст. 136 Конституции он, по сути, ввёл в правовую систему абсолютно новую разновидность федеральных законов¹².

Таким образом, правовая позиция выражается не только в конституционном толковании (истолковании), присутствующем, так или иначе, в мотивировочной технологии на уровне само собой разумеющегося. Предшествующие ему и следующие за ним соответственно вводные и промежуточные установки (суждения, выводы) Конституционного Суда также являются результатом технологии непосредственной конкретизации Конституции и имеют характер, несомненно, нормативно-интерпретационных суждений (установок), имманентно обосновывающих итоговый вывод Конституционного Суда. В то же время правовая позиция становится таковой лишь при той структурно-смысловой совокупности нормативно-правовых суждений (предписаний), которая обеспечивает ей выход на уровень качественно (предметно) завершённого ориентира. В этом как раз и успех подхода Н.В. Витрука, определившего правовую позицию как снимающую неопределённость в конкретных конституционно-правовых ситуациях [9. С. 95]. Иными словами, правовая позиция немислима, если не содержит хотя бы частного (предварительного или промежуточного) ответа по существу дела, проблематики. Поэтому правовая позиция должна быть положительно соотносена с существом дела и, в конечном

счёте, с итоговым по нему выводом Конституционного Суда. Этим же, кстати, правовая позиция и отличается от нормативно-правовых предписаний, содержащихся в решении Конституционного Суда на более элементарном уровне и не полно (не обязательно) выражающих предмет, т.е. конкретно разрешённую судом проблему.

Итак, правовые позиции не являются элементарной нормативной единицей решения, а представляют собой смысловое соединение нормативно-правовых предписаний, сформулированных в решениях Конституционного Суда. Но в отличие от этих предписаний правовая позиция, находясь также в структуре решения Конституционного Суда, в то же время не имеет жёстких предложно-текстуальных рамок, поскольку может выражаться как одним, так и несколькими предложениями либо вовсе находиться на пересечении нескольких решений. Проще говоря, правовая позиция выступает не столько структурной единицей решения Конституционного Суда, сколько активной формой существования нормативных предписаний, – впрочем их совокупное функционирование она и обеспечивает. Так или иначе её трудно вогнать в рамки чисто структурного восприятия, поскольку если нормативное предписание структурно и выступает результатом юрико-технического возделывания (размежевания) права, то правовая позиция концептуальна и может располагаться на поле целого дискретного множества нормативно-правовых предписаний.

Правовая позиция Конституционного Суда находится в системе правовых аргументов и в рамках определённого решения может служить доводом какого-то порядка, поскольку нельзя не учитывать мотивационного характера конституционно-контрольной деятельности. Правовые позиции в любом их мотивировочном расположении будут находиться в какой-то степени аргументационной приближенности к итоговому выводу Конституционного Суда, и останавливаться на их анализе как правовых аргументов нет, казалось бы, чего-то принципиального. Но это не во всём однозначно.

Правовой позиции не присуща как другим аргументам жёсткая структурная зависимость от конкретного итогового вывода Конституционного Суда, поскольку она может стать аргументом (основанием) любого другого его решения и в этом смысле несколько автономна от конкретной резолюции. Принципиально как раз то, что правовая позиция по своему характеру не является правовым аргументом или доводом вообще. В рамках любого решения Конституционного Суда она лишь функционально видится правовым аргументом, но от этого не становится таковым¹³. То есть необходимо различать вот этот, на наш взгляд, двойную аспектность правовых позиций для конкретного мотивационного случая. Можно возразить, конечно, что они не формулируются с заведомым расчётом на применение к последующим делам, а появляются именно как правовая аргументация, обоснование конкретной резолюции Конституционного Суда. Генетически это верно, но правовая позиция формулируется Конституционным Судом более

абстрактно или даже категорично – как ориентир для любых субъектов при разрешении аналогичных или тождественных вопросов, поскольку, имея характер собственно позиции, т.е. некоего правового устоя (основания), не стоит впредь ожидать, что он отклонится от неё, да ещё и при тех же конституционно-правовых условиях. Это впрочем не говорит о раздельном существовании решения и правовой позиции Конституционного Суда, они взаимосвязаны как форма и содержание. Автономность правовой позиции видится нам лишь в той части, в какой она освобождается от такой вспомогательной роли, как обоснование (аргументация, обслуживание) лишь конкретного итогового вывода.

Правовая позиция как именно позиция Конституционного Суда, содержащаяся в его решениях со всеми вытекающими отсюда юридическими свойствами и силой, становится общеобязательной и непреодолимой. Стало быть, более точно определение правовых позиций в качестве правовых положений, пригодных для обоснования итогового вывода как исходного, так и любого последующего решения Конституционного Суда с аналогичным предметом. Полную ясность в этот вопрос вносит и, по нашему мнению, ставит точку в нём ч. 1 ст. 47¹ Закона о Конституционном Суде, в которой законодатель официально признал право Конституционного Суда класть в основание рассмотрения и разрешения дел правовые позиции, содержащиеся в ранее принятых им постановлениях. Тем самым правовая позиция становится полноценным юридическим основанием и ставится в один ряд с такими правовыми основами судебного разрешения конституционных споров, как Конституция, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, общеправовые принципы.

В субъективно-объективном смысле правовая позиция и составляющие её предписания выражают отношение, правопонимание Конституционного Суда, становятся официальной системой его взглядов на те или иные процессы, явления, обретают характер некоего принципа, целого пласта своеобразной конституционно-контрольной политики данного органа. Поэтому правовая позиция – ещё и юридический инструмент, позволяющий Конституционному Суду распространять императивность своих постановлений, специфично выраженную во втором предложении ч. 2 ст. 79 Закона о Конституционном Суде, на определения Конституционного Суда как раз посредством фиксации в них данных позиций. Действительно, это уже и официальная доктрина и, по сути, часть конституционно-правового образа мышления, правосознания как минимум большинства судей Конституционного Суда, переломить которое возможно под весом только серьёзных объективных разумений и изменений.

Вместе с тем в круг правовых позиций нельзя включать те «моменты» решения, в которых Конституционный Суд попутно воспроизводит, скажем, законоположения, поскольку в таком случае это правовая позиция не Конституционного Суда, а законодателя. Но тогда, когда в той или иной части решение Консти-

туционного Суда не просто воспроизводит, а универсализирует положение, в частности, того же закона, то соответствующая часть судебного решения вполне может считаться правовой позицией или во всяком случае иной регулятивно значимой составляющей в силу уже того факта, что тем самым фиксируется конституционно-правовая значимость указанного законоположения, т.е. ему придаётся новый уровень или масштаб действия. Конституционный Суд, включая те или иные нормативные или даже научные установки в мотивационный «корпус» своего решения, не раз придавал им властно-ориентирующий характер, т.е. сообщал им конституционно-правовой вектор. Известен целый ряд решений Конституционного Суда, когда правило, юридически предписанное для одной сферы отношений, он распространял на другие, что и произошло, к примеру, с принципом презумпции невиновности, который Конституционный Суд, исходя из требования справедливости, посчитал применимым в отношении любой сферы публичной ответственности и универсализировал его как принцип виновной ответственности (абз. 6 п. 5 мотивировочной части Постановления от 15 июля 1999 г. № 11-П). Это не просто аналогия, технологически остающаяся в правоприменительном аспекте, а властно-волевая данность (установка), предписанная на перспективу всем органам и иным субъектам определённых правоотношений.

Итак, рассмотренные выше проявления и характеристики правопозиционирования в актах конституционного судоворения позволяют прийти к выводу, что правовая позиция Конституционного Суда – это содержащиеся в мотивировочной части решения Конституционного Суда и выявленные в результате толкования Конституции и / или соотносимого с ней иного объекта конституционного контроля правовые положения (установления) Конституционного Суда, которые носят характер конституционной (конституционно-правовой) интерпретации или имплицитно-волевого утверждения (умозаключения, суждения), отражают его конституционное правопонимание, официальную точку зрения по определённому правовому вопросу и служат правовым аргументом (основанием), пригодным в обоснование итогового вывода как исходного, так и любого последующего решений Конституционного Суда с аналогичным либо тождественным предметом.

Содержание правовых позиций обладает не структурно-логическим, как у других правовых положений, а структурно-смысловым (предметно-тематическим) единством, сами они выражают «дух» решения Конституционного Суда, основные его выводы, представляют собой сращение его аргументации (мотивации) и выводов. Правовая позиция Конституционного Суда наделяется далее теми же качествами, что и его решения, но не сама по себе, а в виду именно составляющей этих решений. В силу этого она обязательна для субъектов правотворчества и правоприменения, может и должна использоваться ими в обоснование их собственных решений. В структурно-логическом же смысле она остаётся совокупностью содержащихся в мотивировочной части решения Конституционного Суда нормативно-правовых предписаний, однород-

ность которых обусловлена единством предмета правовой аргументации, т.е. структурно-смысловой общностью и последовательностью.

Для сличения и различения положений, содержащихся в решении Конституционного Суда, в целях определения их нормативного потенциала, а говоря иначе, выявления в них признаков нового правового регулирования, да ещё и не обязательно в содержательном плане, однозначно требуются не просто эрудированное знание текущего законода-

тельства, но и высокие квалификация, профессионализм в области права. Эта весьма трудная задача отчасти может быть разрешена и разрешается посредством систематизации правовых позиций и иных положений решений Конституционного Суда с нормативным содержанием по отраслевому или иному признаку. Такая систематизация и составляет дальнейшую перспективу изучения и решения проблемы правовых позиций, как и решений Конституционного Суда в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее – Конституционный Суд.

² Этому подходу придерживаемся и мы [3. С. 17–18].

³ Так, постулируя наличие в решениях Конституционного Суда правовых позиций, некоторые исследователи пытаются объяснить между ними разницу за счёт сведения последних до уровня всего лишь правовой доктрины или доктринального толкования, теоретического разъяснения юристами правовых норм, поскольку признают значение источника права за самими указанными решениями [4. С. 27–29].

⁴ Н.Ф. Гуцан, в частности, называет такое свойство решений Конституционного Суда «правовой пропозициональностью» [5. С. 16–17].

⁵ Далее – Закон о Конституционном Суде.

⁶ Хотя первоначально автор отождествлял правовую позицию с правовыми аргументами [7. С. 9].

⁷ Далее – Конституция.

⁸ При этом функциональность этой части не нарушается её вычленением из целого, т.е. из правовой позиции.

⁹ Поэтому необходимо различать также итоговое решение Конституционного Суда как правовой акт, целый документ и как лишь итоговый вывод, резолюцию Конституционного Суда по делу.

¹⁰ С лингвистической точки зрения это собственно уже позиция, идентифицируемая через свойства, координируемые соседними элементами текста или предложения [27. С. 51]. То что в нашем случае названо утверждением, имеет место при координации таких текстуально-смысловых частей решения, как конституционная интерпретация (толкование или истолкование) и промежуточный вывод. Причём эти элементы могут быть в различной последовательности, чередоваться и множиться в рамках одного пункта мотивировочной части.

¹¹ По сути, Конституционный Суд ввёл в правовой оборот обобщающее все случаи, с которыми Конституция связывают право на социальное обеспечение, определение, распространяя и повышая тем самым уровень гарантированности их правовой защиты вне зависимости от того, Конституцией или законом они установлены. Что касается рассматриваемого постановления, то в нём имелось в виду такое состояние социального риска, как безработица.

¹² Конституционный Суд в данном деле мог ограничиться выводами, что внесение конституционных поправок посредством существовавших тогда видов федеральных законов невозможно, и отдать решение этого вопроса на откуп законодателю. Но суд пошёл дальше простой интерпретации и не иначе как установил новый, доселе неизвестный вид федерального закона – Закон РФ о поправке к Конституции.

¹³ Это равносильно тому, чтобы использовать, например, норму закона в качестве обоснования и называть её лишь аргументом. Очевидно, что такая норма при использовании её в конкретном деле является аргументом лишь по применению, но сохраняет свои исходные качества как при этой, так и любой иной ситуации применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко, Н.П. Вовченко и др. М. : Зерцало-М, 2001. Т. 3. 528 с.
2. Кажлаев С.А. Генезис и способы универсализации правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.
3. Романов М.Л. К вопросу о юридической природе решений Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 2. С. 15–19.
4. Гаврюсов Ю.В. Правовая природа решений органов конституционной юстиции // Вестник Калининградского юридического института МВД. 2009. № 2. С. 24–30.
5. Гуцан Н. Акты конституционной юстиции в Российской Федерации // Право и жизнь. 2004. № 2. С. 15–34.
6. Аметистов Э.М. и др. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий / отв. ред. Н.В. Витрук и др. М. : Юрид. лит., 1996. 352 с.
7. Лазарев Л.В. Конституционный Суд Российской Федерации и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 3–13.
8. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М. : Городец ; Формула права, 2003. 528 с.
9. Витрук Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации : понятие, правовая природа, юридическая сила и значение // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. 1999. № 3. С. 95–102.
10. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. 656 с.
11. Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в России : учеб. пособие. М. : Изд-во БЕК, 1998. 462 с.
12. Гаджиев Г. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. 1999. № 3. С. 81–85.
13. Лучин В.О., Моисеенко М.Г. Формирование правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации по проблемам конституционного права // Теоретические проблемы российского конституционализма / под общ. ред. Т.Я. Хабриевой. М. : ИГП РАН, 2000. С. 54–73.
14. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право : учеб. и науч.-практ. пособие. М. : Юринформцентр, 2000. 393 с.
15. Петров А.А. Структура и юридическое значение мотивировочной части решения Конституционного Суда Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2007. № 2. С. 9–17.
16. Александрова З.К. и др. Конституционный судебный процесс : учеб. / отв. ред. М.С. Саликов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. 352 с.
17. Кряжков В.А. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации (правовые основы и практика). М. : Городец, 1999. 768 с.
18. Страшун Б. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Конституционное правосудие. 2001–2002. № 4–1. С. 154–167.

19. Бондарева Е.А., Белоконь Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как интерпретационная категория и логико-языковая конструкция // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2. С. 23–28.
20. Абова Т.Е. и др. Процессуальное право : энциклопедический словарь / отв. ред. Т.Е. Абова и др. М. : НОРМА, 2003. 608 с.
21. Романова О.В. К вопросу о понятии и правовой природе правовых позиций Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 7. С. 84–87.
22. Петров А.А. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации как предмет законодательной регламентации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 21. С. 25–28.
23. Маврин С.П. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации : природа и место в национальной правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 6. С. 23–33.
24. Саликов М.С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации : понятие и система // Правоведение. 2004. № 5. С. 49–59.
25. Кряжкова О.Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: Вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 215 с.
26. Гаджиев Г.А., Пепеляев С.Г. Предприниматель – налогоплательщик – государство: Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации : учеб. пособие. М. : ФБК ПРЕСС, 1998. 592 с.
27. Касимова О.П. Позиция, функция и валентность как системные понятия // II Международные Бодуновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.) : труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 1. С. 49–51.
28. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. Б.Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 июня 2018 г.

THE LEGAL NATURE AND ESSENCE OF LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 212–219.

DOI: 10.17223/15617793/434/30

Maksim L. Romanov, Astrakhan State Technical University (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: lawcomtex@gmail.com

Keywords: decision of the Constitutional Court; legal position of the Constitutional Court; constitutional interpretation.

The aim and objectives of the research are to reveal the essential characteristics and the scientific and legal definition of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, to identify their place in the structure of court decisions, the features of their structural-content construction and logical and semantic expression. Based on the analysis of constitutional legislation, jurisprudence and scientific studies of other researchers, the use of primarily dialectical, system-structural and comparative-legal methods, an attempt was made to harmonize regulatorily significant aspects of legal positions and decisions of the RF Constitutional Court, to update the corresponding conceptual framework. A conclusion is drawn that a legal position contained only in the reasoning part of the decisions of the RF Constitutional Court is not a legal argument or argument in general by its nature; structurally, unlike other arguments, it depends on a particular final conclusion of the RF Constitutional Court and can become the basis (argument) for its any other decisions. From the analysis of Part 1 of Article 47 of the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation”, in which the legislator officially recognizes the right of the RF Constitutional Court to put legal positions in the basis of consideration and resolution of cases, it is assumed that they are placed on a par with such legal bases for judicial settlement of constitutional disputes as the Constitution, universally recognized principles and norms of international law, international treaties of the Russian Federation, general legal principles. Undoubtedly, as a result of the interpretation of the Constitution of the Russian Federation and (or) the object of normative control related to it, a legal position is legal provisions (regulations) which are implicitly volitional statements by nature, they reflect the constitutional interpretation of law, the official point of view of the RF Constitutional Court on a particular legal issue. It is also suggested that a legal position is not so much a structural unit of the decision of the RF Constitutional Court, but an active form of regulatory prescriptions; thus it ensures their systematic functioning. Therefore, the content of a legal position does not possess a structural logical unity of normative-interpretational and other authoritative provisions of the Constitutional Court, like other legal provisions, but a structural semantic (subject-thematic) one. A legal position itself expresses the “spirit” of the decision of the RF Constitutional Court, its main conclusions; it is a fusion of its argumentation (motivation) and conclusions.

REFERENCES

1. Marchenko, M.N. et al. (eds) (2001) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: akademicheskii kurs: v 3 t.* [General theory of state and law: an academic course: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Zertsalo-M.
2. Kazhlaev, S.A. (2006) *Genezis i sposoby universalizatsii pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Genesis and methods of universalization of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Dis. Moscow.
3. Romanov, M.L. (2006) K voprosu o yuridicheskoy prirode resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [On the issue of the legal nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava*. 2. pp. 15–19.
4. Gavryusov, Yu.V. (2009) Pravovaya priroda resheniy organov konstitutsionnoy yustitsii [The legal nature of the decisions of the constitutional justice bodies]. *Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD*. 2. pp. 24–30.
5. Gutsan, N. (2004) Akty konstitutsionnoy yustitsii v Rossiyskoy Federatsii [Acts of constitutional justice in the Russian Federation]. *Pravo i zhizn'*. 2. pp. 15–34.
6. Ametistov, E.M. et al. (1996) *Federal'nyy konstitutsionnyy zakon “O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii”*. *Kommentariy* [Federal constitutional law “On the Constitutional Court of the Russian Federation.” A commentary]. Moscow: Yurid. lit.
7. Lazarev, L.V. (1997) Konstitutsionny Sud Rossiyskoy Federatsii i razvitie konstitutsionnogo prava [The Constitutional Court of the Russian Federation and the development of constitutional law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 11. pp. 3–13.
8. Lazarev, L.V. (2003) *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossii* [Legal positions of the Constitutional Court of Russia]. Moscow: Gorodets; Formula prava.
9. Vitruk, N. (1999) Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: ponyatie, pravovaya priroda, yuridicheskaya sila i znachenie [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: concept, legal nature, legal force and significance]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie*. 3. pp. 95–102.
10. Ebzeev, B.S. (2015) *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiyskoy Federatsii* [Man, the people, the state in the constitutional order of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.

11. Kryazhkov, V.A. & Lazarev, L.V. (1998) *Konstitutsionnaya yustitsiya v Rossii* [Constitutional justice in Russia]. Moscow: Izd-vo BEK.
12. Gadzhiev, G. (1999) Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak istochnik konstitutsionnogo prava [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of constitutional law]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie*. 3. pp. 81–85.
13. Luchin, V.O. & Moiseenko, M.G. (2000) Formirovanie pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii po problemam konstitutsionnogo prava [Formation of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the problems of constitutional law]. In: Khabrieva, T.Ya. (ed.) *Teoreticheskie problemy rossiyskogo konstitutsionalizma* [Theoretical problems of Russian constitutionalism]. Moscow: ISL RAS.
14. Tikhomirov, Yu.A. (2000) *Kollizionnoe pravo* [Conflict law]. Moscow: Yurinformsentr.
15. Petrov, A.A. (2007) Struktura i yuridicheskoe znachenie motivirovochnoy chasti resheniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [The structure and legal significance of the motivation part of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Akademicheskyy yuridicheskyy zhurnal*. 2. pp. 9–17.
16. Aleksandrova, Z.K. et al. (2014) *Konstitutsionnyy sudebnyy protsess* [The constitutional judicial process]. 2nd ed. Moscow: Norma: INFRA-M.
17. Kryazhkov, V.A. (1999) *Konstitutsionnoe pravosudie v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii (pravovye osnovy i praktika)* [Constitutional justice in the subjects of the Russian Federation (legal framework and practice)]. Moscow: Gorodets.
18. Strashun, B. (2001–2002) Resheniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak istochnik prava [Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of law]. *Konstitutsionnoe pravosudie*. 4–1. pp. 154–167.
19. Bondareva, E.A. & Belokon, N.V. (2014) Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak interpretatsionnaya kategoriya i logiko-yazykovaya konstruktziya [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as an interpretative category and a logical-linguistic structure]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2. pp. 23–28.
20. Abova, T.E. et al. (2003) *Protsessual'noe pravo: entsiklopedicheskiy slovar'* [Procedural law: an encyclopedic dictionary]. Moscow: NORMA.
21. Romanova, O.V. (2001) K voprosu o ponyatii i pravovoy prirode pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo Suda RF [On the concept and legal nature of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 7. pp. 84–87.
22. Petrov, A.A. (2008) Pravovaya pozitsiya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii kak predmet zakonodatel'noy reglamentatsii [The legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation as a subject of legislative regulation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 21. pp. 25–28.
23. Mavrin, S.P. (2010) Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: priroda i mesto v natsional'noy pravovoy sisteme [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: nature and place in the national legal system]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 6. pp. 23–33.
24. Salikov, M.S. (2004) Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: ponyatie i sistema [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: the concept and system]. *Pravovedenie*. 5. pp. 49–59.
25. Kryazhkova, O.N. (2004) *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: Voprosy teorii i praktiki* [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: Issues of theory and practice]. Law Cand. Dis. Moscow.
26. Gadzhiev, G.A. & Pepelyaev, S.G. (1998) *Predprinimatel' – nalogoplatel'shchik – gosudarstvo: Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Entrepreneur – taxpayer – state: Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Moscow: FBK PRESS.
27. Kasymova, O.P. (2003) Pozitsiya, funktsiya i valentnost' kak sistemnye ponyatiya [Position, function and valency as system concepts]. In: Galiulina, K.R. & Nikolaeva, G.A. (eds) *II Mezhdunarodnye Baudouinovskie chteniya: Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: traditsii i sovremennost' (Kazan', 11–13 dekabrya 2003 g.): trudy i materialy: v 2 t.* [II International Baudouin Readings: Kazan Linguistic School: traditions and modernity (Kazan, December 11–13, 2003): works and materials: in 2 vols]. Vol. 1. Kazan: Kazan State University. pp. 49–51.
28. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress.

Received: 20 June 2018